

Маме, папе, Джону и Уиллу, за всё

Твердит мне мама, что нельзя
Глядеть подолгу в зеркала,
Не то посмотрит на меня
Девочка-ведьма из-за стекла,
И о запретном мне шепнет
Кроваво-красный рот!

Сара Морган Брайан Пайетт

Пролог

Фелиция Миллер плакала в туалете. Опять.

Я знала, что это именно она, потому что за три месяца в школе «Грин-Маунтин» я уже два раза видела, как Фелиция плачет в туалете. Плакала она очень узнаваемо, тоненько и взхлеб, точно маленький ребенок, хотя на самом деле Фелиции восемнадцать — на два года старше меня.

В те разы я к ней лезть не стала. Я считаю, каждая девушка имеет право время от времени поплакать в общественном туалете.

Но сегодня был вечер по случаю окончания учебного года. Грустно как-то реветь в вечернем платье. Да я и вообще всегда жалела Фелицию. Точно такая девчонка была в каждой из школ, где я училась — на сегодняшний день их девятнадцать. Я, может, и странная, но меня в школе обычно не обижают —

.....

просто игнорируют. А вот над Фелицией измывались все, кому не лень. Над ней постоянно насмехались, обзывали по-всякому и воровали у нее деньги на школьные завтраки.

Заглянув под дверь кабинки, я увидела две ноги в желтеньких босоножках.

— Фелиция? — Я тихонько постучала в дверь. — Что случилось?

Она распахнула дверь и уставилась на меня злыми, покрасневшими глазами.

— Что случилось? Да так, Софи, просто сегодня дискотека. Ты видишь около меня кавалера?

— Э-э... Не вижу. Но мы с тобой находимся в женском туалете, так что я подумала...

— Что ты подумала? — Фелиция встала и вытерла нос комком туалетной бумаги. — Что кавалер дожидается меня за дверью? Я тебя умоляю! Я наврала родителям, будто иду на школьный вечер с мальчиком, поэтому они купили мне платье... — Она ударила ладонью по желтой тафте, словно хотела прихлопнуть жука. — Я их попросила меня отвезти — сказала, что мы договорились встретиться здесь, в школе. Ну не могла я им сказать, что потащилась на выпускной бал в одиночестве! Это разбило бы им сердце... — Фелиция скорчила гримасу. — Жалкое зрелище, правда?

— Ну почему жалкое? Многие девчонки пришли поодиночке.

Фелиция сердито сверкнула глазами.

— Ты-то не одна!

Да, я была не одна. Правда, пригласил меня Райан Хеллерман — единственный человек, которого в школе любили еще меньше, чем меня, а все-таки... И мама обрадовалась, что меня хоть кто-то пригласил. Она увидела в этом доказательство, что я стараюсь «вписаться в коллектив».

Мама считает, что это очень важно — вписаться в коллектив.

Фелиция стояла передо мной в желтом платье и вытирала нос. И тут я сказала несусветную глупость.

— Давай помогу.

Фелиция подняла на меня опухшие от слез глаза.

— Как?

Я взяла ее под руку и потянула за собой.

— Пойдем на улицу.

Мы вышли из туалета и протолкались через переполненный народом спортзал. Фелиция смотрела настороженно. Я привела ее на автостоянку.

— Если ты задумала какую-нибудь гадость, так у меня газовый баллончик есть! — Она прижала к груди желтенькую сумочку.

— Успокойся!

Я огляделась — на стоянке никого, кроме нас, не было.

Хоть дело было в апреле, погода стояла прохладная. Мы обе дрожали в тонких платьицах. Я снова повернулась к Фелиции.

— Вот скажи, если бы ты могла выбрать себе кого угодно, с кем ты хотела провести выпускной вечер?

— Ты нарочно меня мучаешь?

— Отвечай на вопрос!

Фелиция пробормотала, уставившись на свои желтые туфли:

— С Кевином Бриджесом...

Я ни капельки не удивилась. Президент школьного совета, капитан футбольной команды и вообще роскошный парень. Кевина Бриджеса почти любая девчонка выбрала бы.

— Ладно, пусть будет Кевин, — согласилась я, разминая пальцы.

Подняла руки к небу, закрыла глаза и представила себе Фелицию в объятиях Кевина. Она — в ярко-желтом платье, он — в смокинге. Несколько секунд я стараюсь сосредоточиться на этой картинке, а потом земля под ногами начинает легонько дрожать, и как будто вода поднимается снизу, — от подошв до вытянутых кверху рук. Волосы шевелятся на голове, и вдруг я слышу, как ахает Фелиция.

Открыв глаза, я увидела в точности то, на что и рассчитывала. Темная туча клубилась у нас над головами, в ее глубине вспыхивали фиолетовые молнии. Я сосредоточилась еще сильнее, и туча начала вращаться, быстро набирая темп. Скоро в небе образовался ровный круг с дыркой посередине.

Магический пончик — так я его назвала, когда впервые сотворила такую штуковину в день своего двенадцатилетия.

Фелиция скорчилась между двумя машинами, прикрывая голову руками, но останавливаться было уже поздно.

Дыру в центре тучи наполнило зеленоватое сияние. Держа в уме этот свет и образ Кевина с Фелицией, я сжала и вновь разжала кулаки. Из тучи ударила зеленая вспышка, сполох промчался по небу и скрылся вдали за деревьями.

Туча рассеялась. Фелиция встала на подгибающихся ногах, испуганно глядя на меня.

— Что это было? Ты что, ведьма какая-нибудь?

Я пожала плечами. От выпущенной на волю силы в голове остался приятный звон. Как мама говорит: пьяная от магии.

Я сказала:

— Да ничего не было. Пошли обратно.

Райан обрелся возле стола с напитками.

— Что это с ней? — спросил он, кивая на Фелицию.

Та, поднявшись на цыпочки, с обалделым видом разглядывала танцующих.

Я взяла стакан безалкогольного пунша.

— Ей просто стало душно, мы вышли подышать свежим воздухом.

Сердце у меня все еще колотилось, и руки дрожали.

— Ясно, — отозвался Райан, кивая в такт музыке. — Пойдем потанцуем?

Я не успела ответить — подбежала Фелиция и схватила меня за руку.

— Его здесь вообще нет! А ты говорила, он будет моим кавалером?

— Тише! Да, будет, только надо потерпеть. Когда Кевин сюда придет, он тебя найдет, не сомневайся.

Долго ждать не пришлось.

Мы с Райаном только начали первый танец, когда раздался оглушительный треск.

За ним последовали громкие хлопки, похожие на выстрелы, потом общий визг. Люди полезли под столы. Чаша с пуншем полетела на пол, заливая все вокруг красной жидкостью.

На самом деле никто не стрелял — это лопались воздушные шарик. Сотни шариков. Огромная арка из воздушных шаров рухнула на пол. Чудом уцелевший одинокий белый шарик взлетел под потолок и затерялся между балками.

Несколько учителей кинулись к двери.

А двери больше не было.

Ее сорвал с петель серебристый «лендровер».

С водительского места, шатаясь, выбрался Кевин Бриджес. Лоб и рука у него были разбиты, из ссадин на блестящий паркет капала кровь.

Кевин заорал во все горло:

— Фелиция! ФЕЛИЦИЯ!!!

— Ни хрена себе... — прошептал Райан.

С другой стороны автомобиля показалась Каролина Рид — с ней Кевин приехал на вечер.

Всхлипывая, она закричала:

— Он спятил! Все было нормально, а потом вдруг этот непонятный свет, и вот...

Она разрыдалась, а меня начало слегка подташнивать.

— Фелиция!!! — вопил Кевин, шаря по залу безумным взглядом.

Я оглянулась и увидела, что Фелиция прячется под столом. Глаза у нее были огромными.

Я подумала: я так старалась на этот раз быть аккуратнее! Ведь я уже почти научилась...

Тут Кевин заметил Фелицию и выволок ее из-под стола.

— Фелиция!

Он улыбался во весь рот. На его сияющее лицо, все в крови, было жутко смотреть. Можно понять, что Фелиция завизжала изо всех сил.

Один из учителей, наблюдавших за порядком, — тренер Генри, — бросился на помощь и схватил Кевина за руку.

Кевин, не отпуская Фелицию, свободной рукой заехал Генри по лицу. Тренер, ростом под метр девяносто и килограммов девяносто весом, отлетел, как пушинка.

Дальше начался сумасшедший дом.

Все бросились к дверям, возникла давка, учителя навалились на Кевина, истошно кричала Фелиция, и только Райан был в полном восторге.

— Классно! — орал он, глядя, как две девчонки перелезают через «лендровер», лишь бы выбраться поскорее из зала. — Вот это, я понимаю, дискотека!

Кевин, все еще держа Фелицию за руку, упал на одно колено. Слышно было плохо, потому что все так орали, но, кажется, он пел ей серенаду.

Фелиция перестала визжать, зато начала шарить в сумочке.

— Ох, нет!

Я бросилась к ним, но поскользнулась и шлепнулась в лужу пунша.

Фелиция выхватила красный аэрозольный баллончик и выпустила его содержимое Кевину в лицо.

Серенада оборвалась невнятным криком боли. Кевин выпустил Фелицию и схватился за глаза, а она кинулась бежать.

— Не волнуйся, детка! — заорал он ей вслед. — Я все равно тебя вижу! Вижу глазами души! Фелиция! Сердце мое!!!

Замечательно. Мало того, что чары у меня получились сильнее, чем нужно, так еще и пошлятина поперла.

Я сидела в луже пунша, а вокруг бушевал созданный мною хаос. Возле моего плеча покачивался одинокий белый шарик. Мимо пробежала, спотыкаясь, учительница алгебры, миссис Дэвидсон. Она кричала в телефон:

— Говорю я вам: школа «Грин-Маунтин»! Не знаю я, кого прислать... «Скорую»? Отряд спецназа? Пришлите хоть кого-нибудь!

И тут раздался вопль:

— Это все она! Софи Мерсер!

Фелиция, вся дрожа, показывала на меня пальцем. Ее голос разнесся по спортзалу, перекрывая шум:

— Она... Она ведьма!

Я вздохнула. Ну вот, опять начинается...

Глава 1

— Как тебе здесь?

Я выбралась из машины в густую душную жару позднего лета в штате Джорджия.

— Замечательно, — буркнула я, сдвигая темные очки на макушку.

Из-за влажности волосы у меня завились и увеличились в объеме, кажется, раза в три. Я чувствовала, как они пытаются пожрать очки, наподобие какого-нибудь хищного тропического растения.

— Мне всегда было любопытно, каково это — жить у кого-нибудь во рту...

Перед нами возвышался Геката-Холл — согласно брошюрке, зажатой у меня в потной руке, «первоклассное исправительное заведение для подростков-экстраординариев».

Экстраординарии... Красивое латинское слово, означающее «монстры». Вот кто учится в этой школе под названием «Геката-Холл».

И я — такая же.

Я уже прочитала брошюрку четыре раза в самолете, на пути из Вермонта в Джорджию, два раза — на пароме, идущем к острову Греймалкин, у самого побережья (именно там, как выяснилось, в 1854 году был построен Геката-Холл), и еще один раз — пока взятая напрокат машина громыкала по щебенке от берега до школы. Могла бы за это время выучить текст наизусть, но я не выпускала тоненькую книжечку из рук и все продолжала ее перечитывать, как заведенная.

«В Геката-Холле содержатся и обучаются несовершеннолетние оборотни, ведьмы и феи, которые проявили свои способности при людях и тем самым создали угрозу для безопасности всего Экстраординариума в целом».

Пока мы вытаскивали из багажника мои вещи, я покосилась на маму.

— Все-таки не понимаю, чем может повредить безопасности других ведьм, если я помогла одной несчастной девчонке найти себе поклонника на школьный вечер.

Эта мысль не давала мне покоя с тех пор, как я в первый раз прочитала брошюру, только случая спросить все как-то не было. Мама всю дорогу притворялась, будто спит — наверное, чтобы не смотреть на мою кислую физиономию.

— Дело не только в той девочке, Соф, ты и сама понимаешь. Был еще мальчик со сломанной рукой в Делаваре, и еще один случай в Аризоне, когда ты хотела, чтобы учитель забыл о контрольной...

Я сказала:

— В конце концов память к нему вернулась. Ну, почти вся.

Мама только вздохнула, поставив на землю потрепанный чемодан — мы его купили в благотворительном магазине Армии спасения.

— Мы с папой тебя предупреждали, что использование магии не обходится без последствий. Мне тоже все это совсем не нравится, но здесь, по крайней мере, рядом с тобой будут другие... такие же дети, как ты.

— То есть полные раззявы. — Я закинула тяжелую сумку на плечо.

Мама сдвинула на лоб очки от солнца и внимательно посмотрела на меня. Лицо у нее было усталое, возле рта залегли морщины, который я там раньше не видела. Маме было под сорок, но обычно она казалась лет на десять моложе.

— Софи, ты не раззява! — Мы с двух сторон ухватили чемодан. — Просто ты совершила несколько ошибок.

Не то слово! Да уж, быть ведьмой оказалось совсем не так замечательно, как я думала. Во-первых, я не летаю на помеле. Когда только-только обрела волшебные силы, я спрашивала маму, она сказала — нет, я должна и дальше ездить на автобусе, как все. У меня нет книги с заклинаниями и говорящего кота (увы, аллергия на кошек), и я понятия не имею, где берут глаза тритонов и прочее в том же духе.

Зато я умею колдовать. С двенадцати лет умею — во влажной от моей руки брошюрке написано, что все экстраординарии обретают волшебную силу в двенадцать. Видимо, это как-то связано с половым созреванием.

Мы уже подходили к крыльцу. Мама сказала:

— И вообще, школа здесь хорошая.

С виду это было не очень похоже на школу — скорее, на нечто из старого ужастика или на «Дом с привидениями» в парке Диснейуорлд. Во-первых, выглядело строение лет на двести. Третий этаж сидел на нем как верхушка на свадебном пироге. Когда-то дом, наверное, был белым, а сейчас выцвел до сероватого оттенка, почти такого же, как гравий на дорожке. Казалось, это не дом, а часть прибрежных скал.

— Гм, — сказала мама.

Мы поставили чемодан на землю. Мама прошла вдоль стены до угла.

— Иди-ка посмотри!

Я побежала за ней и сразу поняла, что она имела в виду. В брошюрке говорилось, что Геката-Холл «за время своего существования расширился и перестраивался». Оказывается, под этим подразумевалось, что у дома оттяпали заднюю половину и вместо нее присобачили новую. Метров через двадцать серые доски заканчивались и начиналась розовая штукатурка, которая тянулась до самого леса.

Сделано это было явно с помощью магии — на месте стыка не было ни шва, ни следа известки.

В принципе, можно бы сделать и поизящнее — а то впечатление такое, словно две половинки дома слепил вместе какой-то сумасшедший.

Сумасшедший с очень плохим вкусом.

Перед домом росли огромные дубы. С их ветвей свисали гирлянды испанского мха. Растений вообще было огромное количество. По бокам от входной двери стояли в пыльных кадках папоротники, похожие на большущих зеленых пауков. Стену оплело какое-то ползучее растение с фиолетовыми цветами. Казалось, будто лес постепенно поглощает здание.

Я одернула новенькую синюю юбочку из шотландки — странный гибрид килта и школьной формы. Школьный килт? Шкилт? Непонятно, почему руководство школы, расположенной в глубине дремучего Юга, требует от учеников носить шерстяную форму. И все-таки меня пробрала дрожь. По-моему, каждый, кто увидит это здание, обязательно заподозрит, что учатся в нем сплошные уроды.

— Красиво, — сказала мама бодро.

Давайте, мол, во всем находить хорошее.

— Ага, красивая тюрьма.

Мама покачала головой.

— Не нужно подросткового бунтарства, Софи. Какая же это тюрьма?

Тюрьма и есть.

Мы снова взялись за чемодан.

— Тебе действительно здесь будет лучше, — сказала мама.